

Макроэкономический эффект хрущевской экономической реформы

Винокуров Степан Степанович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, e-mail: stepan_vinokurov@mail.ru

Гурьянов Павел Алексеевич

Балтийский гуманитарный институт, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pavelgurianov19@gmail.com

Цитирование: Винокуров С.С., Гурьянов П.А. (2025). Макроэкономический эффект хрущевской экономической реформы. *Terra Economicus* 23(2), 21–42. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-21-42

Используя метод синтетического контроля, мы демонстрируем, что начиная с 1963 г. советская экономика испытывала существенное и непреодоленное в дальнейшем отклонение ВВП на душу населения от долгосрочного тренда. Согласно нашей предпочтительной оценке, отставание, объяснимое только эффектом 1963 г., составило 12,2% ВВП на душу населения. Столь значительный эффект отдельного года до некоторой степени противоречит представлению, что проблемы советской экономики нарастали постепенно. Мы связываем это с ходом реформы управления народным хозяйством, осуществлявшейся в 1957–1965 гг. В конце 1962 г. произошел отказ от первоначальных установок на децентрализацию управления, повышавшую самостоятельность экономических административных районов. Построенный контрфактический тренд основывается на данных проекта Мэддисона и охватывает столетия, что позволяет сделать вывод, что советская экономика не находилась в «колее развития», исключавшей движение в сторону большего благосостояния. Используя данные V-Det, мы обнаруживаем, что в 1962 г. происходит сокращение государственной собственности и прямого контроля над секторами экономики в странах, выбранных для сравнения, – показателя, лучше всего коррелирующего с отклонением от контрфактического тренда. Однако характер связи не позволяет сделать однозначный вывод, что отклонение от тренда обусловлено процессами в других странах и возможностями, упущенными советской экономикой в силу ее специфики. Анализ динамики факторов производства и общей факторной производительности показывает, что замедление относительно тренда соответствует по времени замедлению накопления капитала, что при повышающейся норме накопления позволяет предположить, что отказ от децентрализации снизил эффективность капиталовложений.

Ключевые слова: хрущевская экономическая реформа; метод синтетического контроля; децентрализация; зависимость от пути развития; государственная собственность; контроль над экономикой

Благодарность: Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за многочисленные конструктивные замечания.

Macroeconomic consequences of Khrushchev's economic reforms

Stepan Vinokurov

St. Petersburg State University of Economics, Russia, e-mail: stepan_vinokurov@mail.ru

Pavel Guryanov

Baltic Humanitarian Institute, St. Petersburg, Russia, e-mail: pavelgurianov19@gmail.com

Citation: Vinokurov S., Guryanov P. (2025). Macroeconomic consequences of Khrushchev's economic reforms. *Terra Economicus* 23(2), 21–42 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-21-42

Using the synthetic control method, we show that, beginning in 1963, the Soviet economy experienced a significant and persistent deviation of GDP per capita from the long-term trend. According to our preferred estimates, the lag explained by this effect alone accounted for 12,2 percent of GDP per capita. Such a significant impact of a single year to some extent contradicts the idea that the problems in the Soviet economy grew gradually. We relate this with the course of reforms in national economic management that took place between 1957 and 1965, when the initial plans to decentralize governance and increase the independence of regional economic administrations were abandoned at the end of 1962. The constructed counterfactual trend is based on data from the Maddison Project and spans centuries. This allows us to conclude that the Soviet economy was not “path-dependent” to exclude movement towards greater prosperity. Using V-Dem data, we found that in 1962, there was a decline in state ownership and direct control of economic sectors in the comparison countries – the measure that correlates best with the deviation from counterfactual trends. However, the nature of this correlation does not permit us to draw a definitive conclusion that the divergence from the trend was due to processes occurring in other countries or opportunities missed by Soviet economy due to its specific nature. An analysis of production factor dynamics and total factor productivity reveals that the slowing down relative to trend corresponds to a slowing down in capital accumulation. Given the increasing rate of capital accumulation, this suggests that rejecting decentralization reduced the efficiency with which capital was allocated.

Keywords: Khrushchev's economic reform; synthetic control method; decentralization; path dependence; state ownership; control over economy

JEL codes: N10, N40, P240

Введение

Экономическая история России характеризуется систематическим и сравнительно устойчивым отставанием от мировых лидеров¹. Означает ли это, что современная Россия, сохраняющая разрыв в ВВП на душу населения (по ППС) почти в 1,9 раза с США и в 1,3 раза со странами ОЭСР², продолжает движение по многовековой «колее развития», или же это – результат неудачных реформ относительно недавнего прошлого?

¹ Так, например, из данных А. Мэддисона можно видеть, что, считая по территории бывшего СССР, отставание от Западной Европы по ВВП на душу населения составляло 1,6 раза в 1600 г. и 1700 г., 1,7 – в 1820 г., 2,3 – в 1913 г., 1,9 – в 1973 г.; от США – 1,8 раза в 1820 г., 3,6 – в 1913 г., 2,6 – в 1973 г. (Мэддисон, 2012: 576–577).

² По данным Всемирного банка за 2023 г. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/Series/NY.GDP.PCAP.PPKD> (дата обращения: 30.12.2024)

Стратегия, которой мы следуем для поиска ответа на этот вопрос, состоит в построении контрфактического тренда ВВП на душу населения по наиболее отдаленным во времени значениям. Мы используем расчеты А. Мэддисона, которые содержат оценки для периодов, охватывающих начало нашей эры, Средние века и начало Нового времени³. Мы обращаемся к методу синтетического контроля, заключающемуся в поиске подходящей «смеси» из соответствующих показателей других стран и сопоставлении динамики этой «смеси» с динамикой интересующего показателя (подробнее см., например: Abadie, 2021). В отличие от непосредственного сопоставления, это позволяет воспроизвести интересующий показатель как среднее показателей, входящих в «смесь» стран, и соблюсти условие параллельных трендов, необходимое для корректной идентификации последствий тех или иных событий.

Используя данные за 1–1820 гг., мы определяем для последующих лет расчетные значения ВВП на душу населения. Расчетные значения, таким образом, отражают динамику, которая должна была бы иметь место, исходя из сверхдолгосрочных тенденций, сложившихся до начала промышленной революции в России.

Мы находим подходящую «смесь», составленную из ВВП на душу населения Норвегии и Японии, и показываем, что расхождение отечественного ВВП на душу населения с контрфактическим трендом приходится на 1963 г. Согласно предпочитаемой нами оценке, вследствие произошедших в этом году изменений советская экономика теряет 12,2% ВВП на душу населения (при установлении доверительной вероятности на уровне 95% оценка попадает в интервал 3–20,5%) по сравнению с контрфактической динамикой и не компенсирует возникший разрыв в дальнейшем.

То, что конкретный год имеет статистически значимый эффект для всего последующего развития советской экономики, до некоторой степени противоречит представлению, что ее проблемы нарастали постепенно в силу исчерпания потенциала роста, деградации управления и т.п. То, что до 1963 г. мы можем приблизительно воспроизвести долгосрочную динамику ВВП на душу населения для территории бывшего СССР с помощью среднего Норвегии и Японии, говорит о том, что страна не находилась в то время в «колее развития», исключавшей достижение более высокого уровня благосостояния.

Непосредственные причины следует искать среди событий соответствующего года, которые имели бы долгосрочные последствия. 1963 – год начала второго этапа хрущевской экономической реформы, когда первоначальные попытки децентрализации управления экономикой были отчасти повернуты вспять. Как мы постараемся показать, это означало отказ от попыток реформирования плановой системы в направлении большей инклюзивности и могло иметь значимые институциональные последствия. Анализируя динамику факторов производства и общей факторной производительности, мы обнаруживаем, что отклонение среднедушевого ВВП от контрфактического тренда совпадает с замедлением темпов накопления капитала, что можно трактовать как снижение эффективности выбора направлений его вложения. Используя данные *V-Dem*, мы обнаруживаем, что в течение 1962 г. происходит некоторое сокращение государственной собственности и прямого контроля над секторами экономики в странах, выбранных для сравнения, и отставание по этому показателю лучше других коррелирует с динамикой ВВП на душу населения СССР относительно контрфактического тренда. Однако эта корреляция отрицательная в период полного огосударствления экономики, в то время как за рамками этого периода – статистически незначима или даже положительна. Эта противоречивость не позволяет сделать вывод о том, что непосредственные причины отклонения от контрфактической динамики объясняются изменениями, произошедшими в странах, выбранных для сравнения, осуществивших институциональные изменения и реализовавших возможности, упущенные СССР. Напротив, можно предположить, что хрущевская экономическая реформа обнаружила противоречия плановой системы и неготовность руководства отказаться от централизованного управления экономикой, подорвав соответствующие убеждения и законсервировав обнаружившие свою неэффективность институты. Возникшее в этот период отставание от контрфактического тренда не было преодолено после демонтажа плановой системы, что также говорит в пользу того, что его связь с государственной собственностью и контролем над экономикой не может рассматриваться как однозначная.

³ Критику расчетов Мэддисона можно найти, например, в работе Р.С. Аллена (2013: 292–294). Несовершенство данных обуславливает приблизительность наших расчетов, однако с содержательной точки зрения важнее, чтобы построенный нами тренд не был артефактом используемых данных. Нам неизвестны исследования, которые показывали бы, что данные Мэддисона по своей конструкции предполагают пропорциональность между показателями разных стран.

Мы начинаем с краткого обсуждения хрущевской экономической реформы. Описание данных, методологии и результатов наших расчетов содержатся во втором разделе. Некоторые возможные возражения против наших выводов рассматриваются в конце работы.

Хрущевская экономическая реформа

Хрущевская экономическая реформа проводилась в 1957–1965 гг. и имела целью совершенствование системы управления народным хозяйством. В ней можно выделить два этапа: период децентрализации – до конца 1962 г. и период централизации и постепенного свертывания – после. В рамках перехода от отраслевого к территориальному принципу управления (децентрализации) были упразднены отраслевые министерства, а их функции возложены на более чем сотню советов народного хозяйства (совнархозов), действовавших на уровне административных экономических районов. Разворот в сторону прежней организации управления хозяйством выразился в укрупнении экономических районов, создании совнархозов на республиканском уровне и Высшего совета народного хозяйства Совета Министров СССР, наконец, в формировании государственных производственных комитетов, воспроизводивших упраздненные министерства. В.И. Мерцалов предлагает альтернативную периодизацию, выделяя период 1959–1962 гг., когда процесс децентрализации был остановлен, а процесс централизации еще не начат (Мерцалов, 2015: 214).

Меры по реформированию сверхцентрализованной системы управления экономикой начали приниматься практически сразу после смерти Сталина, однако хрущевская реформа означала попытку ее радикального преобразования. Особенностью сложившейся системы управления было то, что большую часть из 52 министерств, действовавших накануне реформы, составляли отраслевые министерства, имевшие крайне разветвленную внутреннюю структуру, которая могла насчитывать сотни подразделений. Это порождало бюрократизацию, конкуренцию министерств и ведомств между собой, подрыв стимулов руководителей предприятий к повышению эффективности своих производств⁴.

Декларировалось, что проводимая реформа «дает возможность правильно сочетать централизованное государственное руководство хозяйством с развертыванием инициативы республиканских и местных органов, с повышением их прав и ответственности, с еще более активным участием широких трудящихся масс в управлении производством»⁵. Хотя центральное планирование не устранялось, а в каких-то аспектах даже усиливалось, экономические районы получили возможность выстраивать хозяйственные связи в обход центра, а «хозяйственники по отношению к обкомам оказывались относительно самостоятельными» (Пихоя, 2009: 323)⁶. Упомянем также, что тезисы своего доклада о предстоящей реформе Хрущев вынес на всенародное обсуждение, в результате которого ряд положений был скорректирован (Горлов, 2022).

Любое обращение к экономической динамике в исторической перспективе связано с ограниченной надежностью статистических данных. Это касается и статистики советского периода. Официальная статистика ЦСУ СССР подверглась широкой критике в научной литературе в плане как методологических особенностей, связанных с определением ценовых индексов, так и целенаправленного искажения и приукрашивания (Пономаренко, 2000). Несвободны от критики в ангажированности и расчеты западных советологов (Лаптева, 2015: 485).

В табл. 1 мы приводим сопоставление некоторых оценок ВВП, ВНП и национального дохода. Даже по самым консервативным оценкам можно говорить о росте национального дохода вдвое и валового продукта – в полтора раза за 1950-е гг., в то время как в 1960-е гг. советская экономика переживает замедление, причем оценки меньше разнятся между собой при оценке более скромного роста 1960-х гг., чем при оценке роста 1950-х.

⁴ В записке «Некоторые соображения об улучшении организации управления промышленностью» Хрущев отмечал: «каждое министерство стремится изготовить для себя все, не считаясь с огромными потерями средств и материалов, с плохим использованием производственных площадей и оборудования, со встречными, дальними и другими нерациональными перевозками» (цит. по: Пихоя, 2009: 320). Широкий перечень причин реформы, рассматриваемых в современной историографии, можно найти в работе А.И. Минеева (2024: 131–135).

⁵ Преамбула Закона СССР от 10.05.1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

⁶ Так, Постановление Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г. № 1150 «Об утверждении Положения о совете народного хозяйства экономического административного района» возлагало на совнархозы задачу разработки и предоставления в Совет министров союзной республики планов развития (ст. 15), позволяло изменять по согласованию с заказчиками объем производства и поставки отдельных видов продукции, предусмотренной в годовом народнохозяйственном плане (ст. 49), принимать заказы на изготовление продукции, не предусмотренной в государственном плане (ст. 50), создавать, реорганизовывать и ликвидировать предприятия (ст. 122) и т.д.

Таблица 1

Рост советской экономики в 1950–1970-е гг. по оценкам разных авторов, раз за период

Источник \ Период	1951–1960	1961–1965	1966–1970
А. Мэддисон (ВВП)	1,65	1,20	1,21
ЦСУ СССР (национальный доход)	2,65	1,37	1,45
ЦРУ (ВВП)	1,73	1,28	1,29
Г. Ханин (национальный доход)	2,00	1,24	1,22
С. Кон (ВВП)	2,49 (1950–1961)	1,39 (1961–1966)	
Н. Каплан (национальный доход)	2,30 (1950–1961)	1,23 (1961–1966)	
Р. Мурстин, Р. Пауэлл (ВВП)	2,06		
Н. Ясный (национальный доход)	1,6 (1950–1955)		
А. Бергсон (ВВП)	1,44 (1950–1955)		

Источник: составлено авторами на основании: Кудров, 1995: 101, 103, 104; 2003: 123; Ханин, 2016: 23 и Базы данных Мэддисона, 2010. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-database-2010> (дата обращения: 22.10.2024)

Данные Мэддисона, на которые мы опираемся в наших расчетах ниже, говорят о менее выраженной динамике, чем большинство альтернативных оценок, поэтому вероятно, что полученные нами результаты недооценивают реальный масштаб изменений.

Тенденции, сходные с приведенными в табл. 1, показывает промышленность. Среднегодовые темпы ее роста, по данным ЦСУ СССР, составляли 13,1% в 1951–1955 гг., 10,4% – в 1956–1960 и 8,9% – в 1961–1968 гг.; по данным Р. Гринслейда, соответственно – 9,9, 8,9 и 5,9% (Кудров, 2011: 83). На основе данных К. Холодилина можно сказать, что в 1951–1959 гг. промышленность росла среднегодовыми темпами 10,6%, что означает рост почти в 2,5 раза за период, в то время как за 1960–1964 гг. рост составил 1,33 раза (Холодилин, 1997: 72–73). По расчетам М. Сухары, промышленное производство в 1964 г. составляло лишь 122,1% от производства 1960 г. (Сухара, 2000: 59). По данным ЦРУ и Бюро цензов США, снижение темпов роста промышленности в 1960-е гг. было менее выраженным: в 1959 г. промышленное производство было в 2,01 раза больше 1950 г., в то время как в 1964 г. – больше в 2,9 раза. Производительность труда в промышленности в 1959 г. была в 1,48 раза выше, чем в 1950 г., в то время как в 1969 г. – в 1,9 раза (Кудров, 2003: 172–173). Консенсус для различных оценок говорит о росте промышленности в 2,48 раза за 1950–1959 гг. и в 3,34 раза – за 1950–1964 г. включительно (Смирнов, 2012: 69).

По оценкам Г.И. Ханина, за 1952–1958 гг. продукция сельского хозяйства СССР увеличилась в 1,5 раза (Ханин, 2003: 69); по данным К. Холодилина, в 1,67 раза – за 1951–1959 гг. и в 1,19 раза – за 1960–1964 гг. (Холодилин, 1997: 72–73). Ханин делает вывод, что рост производительности труда в сельском хозяйстве составлял почти 10% в год (Ханин, 2015: 356). По данным ЦРУ и Бюро цензов США, в 1959 г. производство в сельском хозяйстве было в 1,38 раза больше 1950 г., в то время как в 1964 г. – больше в 1,5 раза. Производительность труда в сельском хозяйстве в 1959 г. была в 1,43 раза выше, чем в 1950 г., в то время как в 1969 г. – в 1,82 раза (Кудров, 2003: 171).

Исключение из общей тенденции к замедлению составляет строительство: в терминах валового продукта в 1959 г. оно составляло 200,9% к значениям 1950 г., в то время как в 1969 г. – 427,2% (Кудров, 2003: 171). Но все равно рост производительности труда в нем замедлился: к 1969 г. ее значение достигло 163,9% от производительности 1950 г., в то время как в 1959 г. оно достигало 145,9% (Кудров, 2003: 172–173).

Период 1950-х гг. в целом оценивается как позитивный для советской экономики. Г. Ханин пишет, что «...огромные экономические достижения позволяют назвать 50-е годы “советским экономическим чудом”» (Ханин, 2001: 167). Однако не все исследователи полагают 1950-е гг. «десятилетием триумфа», объясняя эту точку зрения продовольственными проблемами или низким качеством и разнообразием производимой продукции массового потребления (Лузан, 2002; Круглов, 2014; Смирнов, 2021: 188). На наш взгляд, эти оценки не противоречат друг другу. Как показал А. Сен, голод – следствие прав (*entitlement*) на необходимое количество пищи, которые могут отсутствовать у тех или иных слоев населения даже при относительном изобилии (Sen, 1980). Тем более это

может быть верно применительно к дефициту в условиях быстро растущей экономики. Что касается агрегированных показателей, то они демонстрируют улучшение. Сфера торговли и общественного питания выросла в 1,73 раза за 1950–1959 гг. и еще в 1,48 раза – за 1960–1964 гг. (Холодильник, 1997: 72–73). Объем товарных ресурсов, направляемых в розничную торговлю, вырос с 36 млрд руб. в 1950 г. до 78,6 – в 1960 г. и до 155,2 млрд руб. – в 1970 г. (Карпушин, Гурьянов, 2018: 219), что опять означает некоторое замедление в 1960-е гг. относительно 1950-х гг. В 1962 г. потребление отдельных групп продуктов в семьях рабочих и служащих увеличилось на 19–54% по сравнению с 1953 г. Еще более существенный прорыв был в семьях колхозников: потребление мяса выросло в 1,8 раза, рыбы – более чем в 2 раза и сахара – в 3,2 раза. Произошел также не только количественный, но и качественный сдвиг в структуре питания населения (Томилини, 2021: 386; Зубкова, 2022: 53–54).

Когда именно началось замедление советской экономики? Непосредственное обращение к данным не дает однозначных ответов. Например, рис. 1 показывает тенденцию к замедлению роста экономики во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. (применительно к национальному доходу – возможно, с начала 1950-х), которая, возможно, стала менее выраженной во второй половине 1960-х гг. Однако значительные колебания от года к году не позволяют с уверенностью сказать, что эти изменения значимы. Еще менее ясно, следует ли считать какой-то год поворотным. К сожалению, в современной литературе не так много исследований советского периода с применением эконометрических методов, хотя в последнее время их количество растет.

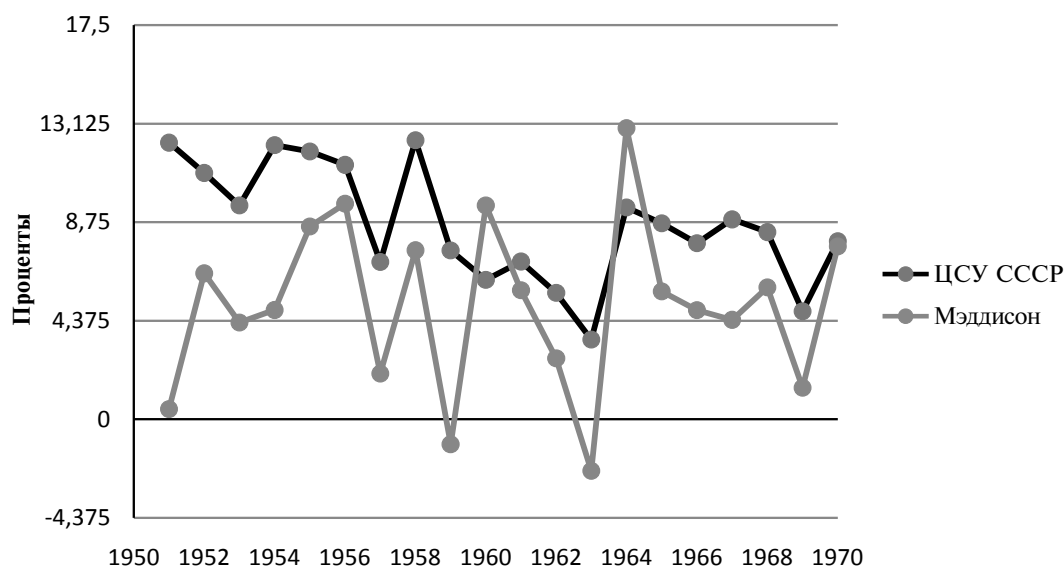

Рис. 1. Темпы роста национального дохода в СССР в 1951–1970 гг.

Источник: составлено авторами на основе работы М.В. Кудрова (2003: 13, 134) и данных из статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР» за 1967 г.

И. Королев использует методологию синтетического контроля, близкую к нашей, для сравнения экономического развития до и после 1917 г., однако рассматриваемый им период заканчивается 1938 г. Как и в нашем случае, синтетический контроль включает в себя Норвегию, но строится по большему числу стран, без учета требования равенства суммы их весов единице и на основе относительно короткого периода перед 1917 г. (Korolev, 2021). Более ранние оценки с применением эконометрических методов базировались на равнении производственных функций для разных периодов, что давало меньше определенности относительно времени изменений (Chulkov, 2014: 126). Полученный нами результат созвучен результату П. Туманова, показавшего, что создание совнархозов не привело к существенным изменениям в росте ВВП, в то время как воссоздание министерств привело к существенному замедлению роста (Tumanoff, 1987). Мы усиливаем этот вывод, сопоставляя рост советского ВВП с контрфактическим трендом, построенным с помощью метода синтетического контроля.

Существуют две точки зрения на замедление экономики после 1950-х гг.: 1) командная экономика оставалась эффективной и по ряду причин безальтернативной. Однако после Сталина

ухудшился подбор кадров и их мотивация – ввиду снижения уровня контроля и репрессий (Ханин, 2001; Harrison, 2002); 2) замедление экономики имело причиной исчерпание экстенсивных факторов роста и требовало интенсификации научно-технического прогресса, с чем советское руководство не смогло справиться по причине отсутствия необходимых институтов (Easterly and Fischer, 1995; Аллен, 2013: 278–279; Markevich and Nafziger, 2017: 47–51); приход же Брежнева к власти означал отказ от попыток реформирования организации хозяйства в пользу повышения стимулов на производстве и последующий выбор в пользу стагнации (Feugin, 2024)⁷.

В следующей части статьи мы покажем, во-первых, что в 1950-е гг. советская экономика находилась около долгосрочного контрфактического тренда, что не говорит о ее чрезвычайной эффективности. По-видимому, значение имеют институциональные характеристики, менее очевидные, чем плановый характер хозяйства.

Во-вторых, мы обнаруживаем статистически значимое ухудшение динамики советского среднедушевого ВВП относительно контрфактического тренда, начиная с 1963 г. До некоторой степени это противоречит приведенным точкам зрения на замедление советской экономики, поскольку они предполагают ее постепенную, не всегда монотонную деградацию, а не перманентное отставание в результате поворотных событий.

Впрочем, это не исключает многофакторный подход для объяснения проблем советской экономики, доминирующий в историографии и объединяющий совокупность объективных и субъективных факторов (Лазарева, 2022): причины и последствия отказа от реформы в первоначальном виде могли быть обусловлены специфическим сочетанием прочих факторов, в том числе и тем, как был воспринят опыт проведения этой реформы. Поворотный эффект 1963 г. состоял в том, что определенная траектория институциональных изменений оказалась отвергнута.

Так, мировой опыт децентрализации предполагает более широкие реформы, направленные на снижение государственного контроля над экономикой, что ассоциируется с важным условием преодоления «ловушки среднего дохода» (Kharas and Kohli, 2011). В Китае децентрализация управления народным хозяйством в контексте политики реформ и открытости компенсировала многие недостатки авторитарной системы (Lin et al., 2003; Xu, 2011; Jia et al., 2021). Однако в период децентрализации советской экономики переход от унитарной и мультидивизионной модели экономики поощрял регионы с хорошо диверсифицированной и усложнял положение регионов со слабо диверсифицированной экономикой, что привело к развитию местничества и обострению аппаратной борьбы на региональном уровне (Markевич and Zhuravskaya, 2011). По-видимому, это послужило причиной возврата к централизованному управлению, однако вряд ли касалось экономической эффективности реформы⁸. Показано, что даже при наличии экстерналий между регионами (Ponce-Rodríguez et al., 2016) и в случае развивающихся стран (где можно ожидать существенную экономию на масштабе при централизованном руководстве) (Enikolopov and Zhuravskaya, 2007) децентрализация, по крайней мере, не снижает эффективность экономики при условии единства правящей партии (подчиненности региональных партийных лидеров национальным) – условию, которое выполнялось в годы хрущевской реформы.

По мнению ряда авторов, реформы советской экономики в рассматриваемый период не могли пойти далеко по идеологическим причинам (Водичев, Аблажей, 2023; Мау, 2024: 93): трансформации советской экономики в более поздние годы предшествовала постепенная идеологическая трансформация (Никифоров, 2020), и хотя начинания Маленкова (Попов, 2019) и Берии оцениваются порой как более либеральные, нет документов, подтверждающих их готовность пойти на радикальные преобразования советской экономической системы (Шестаков, 2012: 326). Однако неочевидно, что реформа управления не могла пойти дальше, чем пошла. А.В. Пыжиков отмечает, что после завершения Великой Отечественной войны «задачи восстановления... предполагали и допускали использование иных рычагов воздействия на экономику, несколько выходящих за рамки сугубо административно-хозяйственных

⁷ Е. Артемов предлагает фактор милитаризации в качестве альтернативного объяснения «несостоявшегося ускорения» в 1960-х гг. (Артемов, 2022). На наш взгляд, не ясно, в какой мере внешнеполитические факторы могут быть отделены от внутривнутриполитических в контексте качества кадров и институтов, тем более что автор концентрируется на решениях советского руководства, а не на перипетиях холодной войны.

⁸ Г.И. Попов (первый секретарь Ленинградского горкома КПСС) высказывался следующим образом: «Мы считаем, что система совнархозов является безусловно прогрессивной и вполне себя оправдала. Известные ее недостатки при совершенствовании общей структуры управления за счет повышения уровня отраслевого руководства из центра могут быть устранены» (Заседание Верховного Совета СССР VI созыва. V сессия. 9–11 декабря 1964 г. Стенографический отчет. М., 1965, с. 102–103).

методов. ...Стремление применить некоторый опыт нэпа в схожих восстановительных условиях представляется не лишенным смысла» (Пыжиков, 2002: 18). В частности, была развернута кооперативная торговля. Хрущев же, напротив, сворачивает промысловую кооперацию⁹, осуществляет наступление на приусадебные участки¹⁰ и крайне спорную реформу по реорганизации машинно-тракторных станций (МТС)¹¹ (см., например: Бронштейн, 2024). Хотя это можно отнести на счет пресловутой непродуманности и непоследовательности хрущевских начинаний, вероятны и более прагматичные причины отступления от начатого децентрализацией пути: советская экономика не находилась в депрессии, а недовольство общества, судя по всему, не было сильным, так что ничто не вынуждало власти идти на радикальные преобразования (Шестаков, 2012: 326–329), не было институций, на которые можно было бы опереться на этом пути, наконец, после разгрома «антипартийной группы» в июне 1957 г. произошел переход от так называемого «коллективного руководства» к единоличному руководству Хрущева, в результате чего политические мотивы, способствовавшие подготовке и началу децентрализации (см.: Пихоя, 2009: 318–324), постепенно утратили свою силу¹².

Эмпирический анализ результатов хрущевской реформы

Данные и методология

Для анализа мы используем метод синтетического контроля. Выбирая страны, чья динамика среднедушевого ВВП будет использоваться для сравнения, мы руководствуемся следующими соображениями.

1. Синтетический контроль должен быть построен для отдаленных периодов прошлого, но продемонстрировать хорошее приближение ВВП на душу населения в интересующий нас период. С помощью этого мы хотим снизить вероятность того, что результат предопределен «подгонкой».

2. В начале периода, по которому формируется контроль, страны должны иметь значения ВВП на душу населения, близкие к значениям на территории бывшего СССР, таким образом, выбранные страны характеризуются сходными стартовыми позициями.

3. Коэффициенты регрессии, по которым формируется синтетический контроль, должны быть положительны и в сумме близки к единице, чтобы исключить экстраполяцию. Советский ВВП на душу населения должен оказаться средней взвешенной этого показателя в странах, входящих в синтетический контроль.

Мы оцениваем регрессию вида

$$y_{USSR,t} = \sum_{i \in I} \beta_i y_{it} + \epsilon_t, \quad (1)$$

где y – логарифм ВВП на душу населения, t – год, I – множество стран, входящих в синтетический контроль, β_i – веса, с которыми ВВП на душу населения выбранных стран входят в синтетический контроль, ϵ – случайная ошибка.

⁹ Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР 1956 г. «О реорганизации промысловой кооперации» было положено начало ее постепенной ликвидации с передачей соответствующих предприятий в государственную собственность. Постановлением 1960 г. «О промысловой кооперации» она была окончательно упразднена, а в Уголовном кодексе появилась статья за частное предпринимательство и коммерческое посредничество. В сталинскую эпоху промысловая кооперация играла существенную роль в деле обеспечения населения товарами народного потребления и бытового обслуживания. Продолжала она играть заметную роль и в 1950-е гг., насчитывая более 1,5 млн работников, выпуская более 30 тыс. наименований товаров на сумму более 30 млрд руб.; даже после выхода Постановления 1956 г. промысловая кооперация продолжала динамично развиваться в сферах, не затронутых Постановлением, – прежде всего, в сфере бытового обслуживания, нарастив с апреля 1956 г. по октябрь 1958 г. объем предоставляемых услуг с 8566 тыс. руб. до 14480 тыс. руб. (в 1,69 раза) (Пасс, Рыжий, 2012).

¹⁰ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» рекомендовало колхозам сокращать приусадебный земельный фонд, хотя и мотивировало это большей выгодой использования земель в общественном хозяйстве. 20 августа 1958 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР было принято Постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

¹¹ И.Е. Зеленник характеризует реформу как одновременно одну из самых антиаграрных и как приведшую к крайне негативным последствиям (Зеленин, 2000: 399). В.Н. Томилин полагает, что «... следует признать ошибочность решения о ликвидации МТС» (Томилин, 2021: 405). Хотя объединение с МТС могло повысить самостоятельность колхозов, важно отметить, что они обязаны были выкупить МТС (в том числе нуждающиеся в ремонте) за свой счет, зачастую в долг; а из экономических отношений устранялся субъект, работу которого колхоз должен был заказывать и который играл роль важного звена в отношениях между городом и деревней (см., например: Раков, 2020).

¹² «Одна из причин вялости демократизации властных структур – избранная Хрущевым авторитарная модель модернизации. ... В реальной практике изменения происходили... тогда, когда они становились необходимыми для выживания системы» (Шестаков, 2006: 107).

Для расчетов мы используем данные проекта А. Мэддисона¹³. Их преимущество в том, что они позволяют использовать для построения контрфактического тренда сильно удаленные во времени значения ВВП на душу населения. Для периодов до образования и после распада СССР проект Мэддисона предоставляет данные для территории бывшего СССР.

Мы оцениваем уравнение регрессии (1) для первых шести доступных значений: за 1, 1000, 1500, 1600, 1700, 1820 годы. Мы обнаруживаем, что Норвегия и Япония удовлетворяют названным выше требованиям для метода синтетического контроля. Так, в 1 г. нашей эры ВВП на душу населения Норвегии, Японии и территории бывшего СССР были равны и составляли 400 международных долларов по ППС на душу населения. Коэффициенты регрессии равны 0,3179 для Норвегии (стандартная ошибка 0,0937) и 0,6778 для Японии (стандартная ошибка 0,0957). Коэффициенты статистически значимы на принятом уровне и в сумме составляют 0,9957. Коэффициент детерминации равен 1 с точностью до сотысячной.

Хотя использование данных, относящихся к началу тысячелетия и Средневековью, может вызывать сомнения в силу их крайней условности и принадлежности совершенно другим эпохам, это целесообразно в контексте нашей статьи, поскольку позволяет показать, что экономики Норвегии, Японии (вернее, их «смесь») и бывшего СССР следовали одной «клетке развития» – вплоть до относительно недавнего времени.

На рис. 2 представлены логарифм ВВП на душу населения бывшего СССР (черный график) и расчетные значения на основе результатов оценки регрессии (1) (серый график). До 1820 г. ВВП на душу населения бывшего СССР близок к значениям, полученным методом синтетического контроля, с 1850 г. расчетные значения оказываются чуть выше фактических, максимально сближаясь с ними в 1904 г. Фактические значения вновь почти совпадают с расчетными в первые годы после Второй мировой войны. Расхождение начинается в начале 1960-х гг. и нарастает вплоть до конца 1990-х гг.

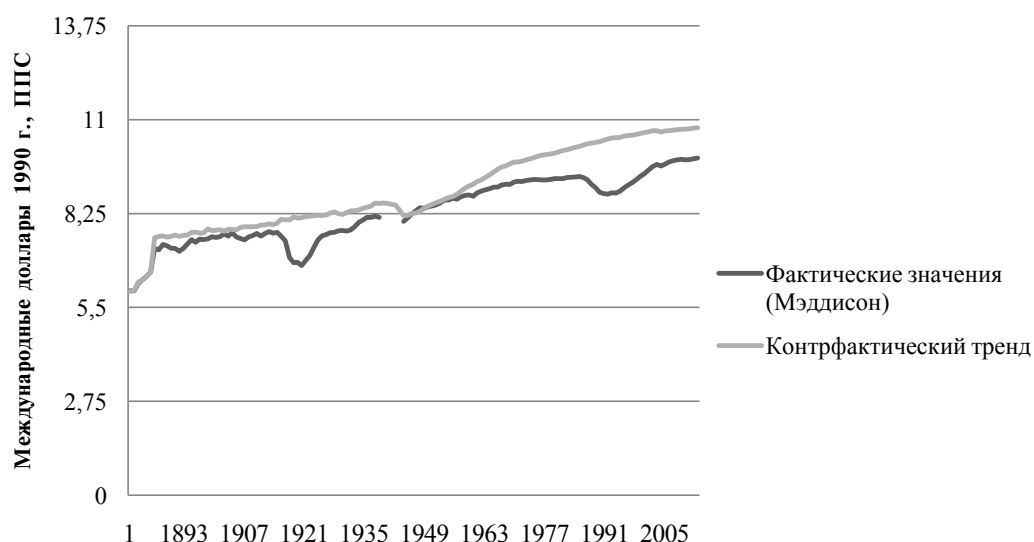

Рис. 2. Логарифм ВВП на душу населения бывшего СССР, населения «смеси» Японии и Норвегии
Источник: расчеты авторов.

На рис. 3 можно видеть, что в первые послевоенные годы разрыв между фактическими и расчетными значениями ВВП на душу населения СССР установился около нуля и начал нарастать после 1958 г. Начало политики децентрализации управления народным хозяйством не приносит видимых изменений. Тенденция на понижение обозначается в 1959 г. – с началом семилетки (1959–1965 гг.). Относительно всего периода с 1946 г. статистически значимый уход в минус обозначился только после 1962 г. Понижительная динамика на время пресекается в 1964 г., когда Хрущев был отправлен в отставку, и возобновляется в период косыгинских реформ.

¹³ <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-database-2010>. Мы используем базу 2010 г. поскольку это последняя версия, представленная А. Мэддисоном, которая не содержит изменений, внесенных его последователями. Кроме того, она содержит интересующие нас годы.

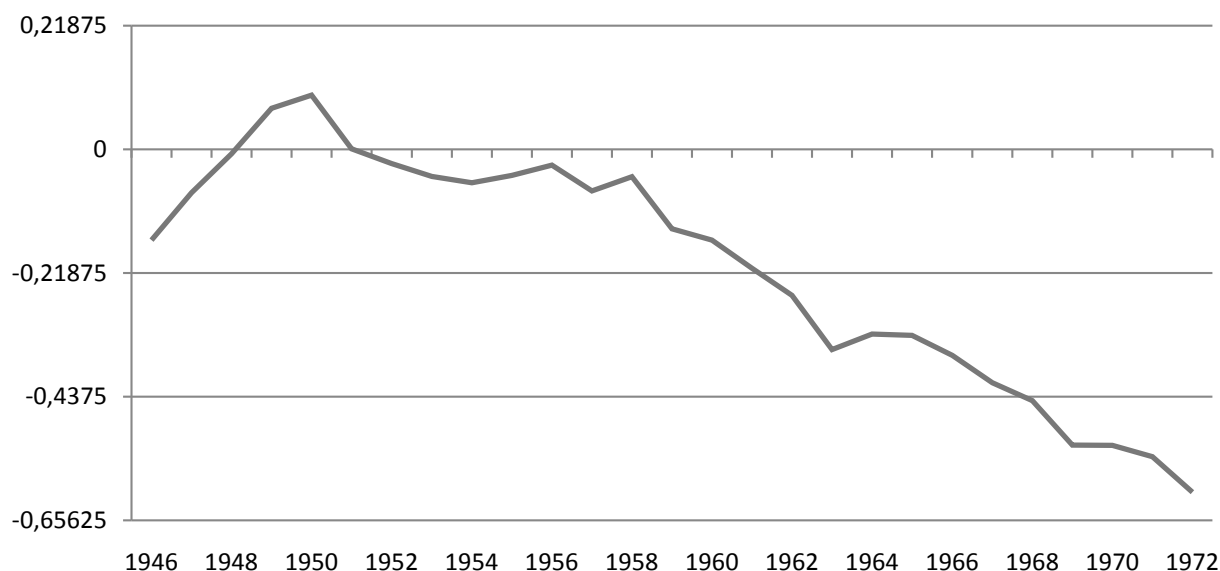

Рис. 3. Разница между логарифмами фактических и расчетных значений ВВП на душу населения СССР в 1946–1972 гг.¹⁴

Источник: расчеты авторов.

Оценка эффекта отказа от децентрализации

Мы оцениваем эффект реформы через изменение отклонения фактического ВВП на душу СССР от тренда, заданного синтетическим контролем. Базовая модель выглядит следующим образом:

$$y_{USSR,t} = a + b * y_{synt,t} + c * Year1963 + e_t, \quad (2)$$

где y_{synt} – логарифм ВВП на душу населения «смеси» Японии и Норвегии, e – случайная ошибка. $Year1963$ – фиктивная переменная, принимающая значение 1 для 1963 г. и последующих лет и 0 – для предыдущих лет, c – интересующий нас коэффициент.

Мы также оцениваем эффект на отклонение советского ВВП на душу населения от тренда непосредственно:

$$y_{diff,t} = y_{diff,0} + \gamma * Year1963 + e_{diff,t}, \quad (3)$$

где y_{diff} – разница между фактическими и контрольными значениями ($y_{diff,t} = y_{USSR,t} - y_{synt,t}$), $y_{diff,0}$ – константа, e_{diff} – случайная ошибка и γ – интересующий нас коэффициент.

Результаты расчетов для периода 1946–1972 гг. представлены в табл. 2. В столбцах I и II представлены результаты оценки уравнения (2) (в столбце II мы добавляем произведение фиктивной переменной $Year1963$ на контрольные значения ВВП на душу населения). Значения коэффициента при $Year1963$ статистически значимы на уровне 5% и 10% соответственно. Статистически значимым на уровне 5% оказывается также произведение $Year1963$ и значений синтетического контроля, т.е. последствия реформы становятся более заметны в среднесрочной перспективе.

Коэффициент при $Year1963$ в столбце I отрицательный и составляет 43,3% стандартного отклонения y_{USSR} в 1946–1972 гг., или потерю 12,6% ВВП на душу населения относительно расчетных значений. Спецификация в столбце II относит основной груз потерь к концу рассматриваемого периода. Так, для 1963 г. значение $(2,10 - 0,24 * y_{synt}) * Year1963$ приблизительно равняется $(-0,11)$, что несколько ниже по модулю коэффициента при $Year1963$ в столбце I; однако в 1972 г. значение достигает $(-0,25)$, что означает потерю 22,5% ВВП на душу населения относительно расчетных значений.

¹⁴ Линиями отмечен период децентрализации в рамках хрущевской экономической реформы (1957–1962 гг.) и период косыгинской реформы (1966–1970 гг.). Между ними находится период централизации и свертывания хрущевской реформы (1963–1965 гг.).

Оценка уравнения (3) (столбцы III и IV) дает отрицательные и значимые на 1% коэффициенты при переменной $Year1963$. С учетом временного тренда изменения, произошедшие в 1963 г., привели к потере 16,2% в отношении фактических значений ВВП на душу населения СССР к расчетным, что сопоставимо с результатом в столбце I.

В столбце VI представлены результаты оценки уравнения (3) для 1958–1967 гг., а столбец VIII – для 1953–1972 гг. Значение произошедших в 1963 г. изменений на более длительном промежутке времени больше: –0,19 для десятилетнего периода в столбце VI и –0,34 для двадцатилетнего в столбце VIII.

Таблица 2

Результаты оценки уравнений регрессии (2, 3)

Номер столбца Параметр	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
$Year1963$	–0,13** (0,05)	2,10* (1,03)	–0,37*** (0,04)	–0,18*** (0,05)	–0,04 (0,04)	–0,19*** (0,04)	–0,04 (0,03)	–0,34*** (0,04)
$Year1963 * Y_{synt}$		–0,24** (0,11)						
Константа	2,34*** (0,44)	1,84*** (0,47)	–0,07*** (0,02)	0,95*** (0,23)	3,87*** (0,90)	–0,16*** (0,03)	3,77*** (0,32)	–0,11*** (0,03)
Y_{synt}	0,72*** (0,05)	0,78*** (0,05)			0,55*** (0,10)		0,56*** (0,04)	
Временной тренд				–0,01*** (0,00)				
R^2	0,96	0,96	0,79	0,87	0,92	0,76	0,98	0,79

Примечание: Периоды, для которых производился расчет: в столбцах I–IV – 1946–1972 гг., в столбцах V, VI – 1958–1967 гг., VII–VIII – 1953–1972 гг. В столбцах I, II, V, VII зависимая переменная – логарифм ВВП на душу населения СССР, в столбцах III, IV, VI, VIII зависимая переменная – разность логарифмов фактических и расчетных значений ВВП на душу населения СССР. *** – статистическая значимость на уровне 1%, ** – 5%, * – 10%.

Источник: расчеты авторов.

На рис. 4 представлены значения коэффициентов при фиктивных переменных того или иного года в регрессиях (2) и (3) вместе с доверительными интервалами (графики слева и справа соответственно). В каждом случае мы последовательно заменяем переменную $Year1963$ переменными на каждый год с 1947 по 1972 г. и оцениваем уравнение типа (2) и (3). Каждая дамми-переменная принимает значение 1 для данного и всех последующих лет и 0 – для предшествующих. Можно сделать вывод, что изменение в разрыве между фактическими и расчетными значениями ВВП на душу населения СССР происходит не позже 1963 г. и по меньшей мере не ранее 1962 г.

Хотя мы не можем исключить того, что негативные изменения в динамике советского ВВП на душу населения начались в 1959 г. (когда движение по пути децентрализации остановилось, см.: Мерцалов, 2015: 214) и продолжались все 1960-е гг., именно 1963 г. выглядит решающим.

В табл. 3 мы приводим предпочитаемые нами спецификации. Мы добавляем фиктивные переменные, отражающие последствия других значимых изменений в управлении советской экономикой. Мы добавляем фиктивные переменные для 1957 (начало хрущевской экономической реформы), 1966 (начало косыгинской реформы) и 1971 г. (свертывание косыгинской реформы и начало девятой пятилетки) и их произведения на значения синтетического контроля в соответствующие годы. Каждая фиктивная переменная равна 0 в предшествующие годы и 1 – в данный и последующие.

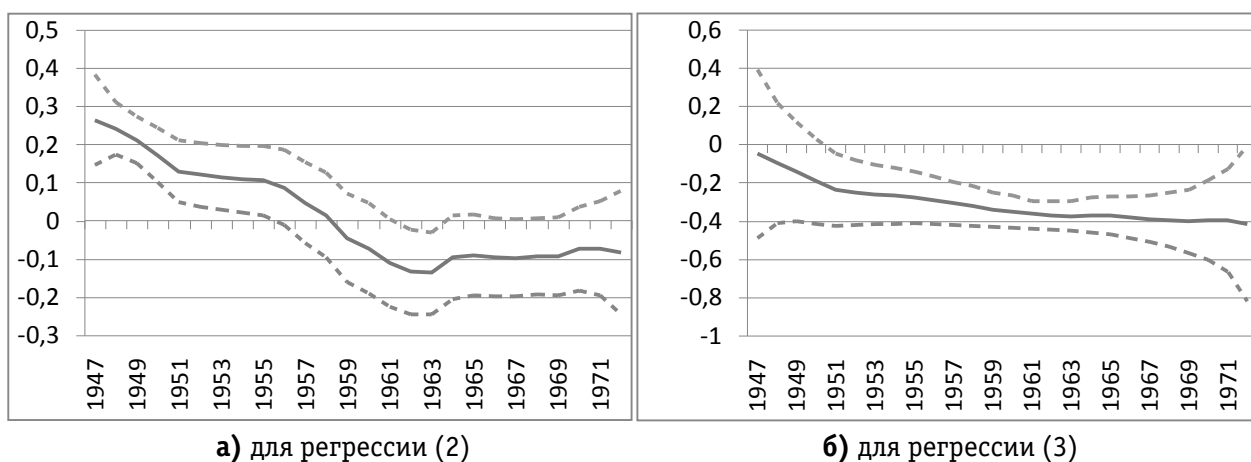

Рис. 4. Коэффициенты при фиктивной переменной для года в регрессиях (2) и (3)

Примечание: Пунктиром представлены верхние и нижние границы 95-процентного доверительного интервала.

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3
Результаты оценки уравнений регрессии (2, 3) с добавлением фиктивных переменных

Номер столбца	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Параметры								
Константа	1,52 (1,15)	9,99*** (1,16)	-0,05 (1,26)	11,82*** (2,32)	-0,03 (0,03)	0,40 (0,58)	-0,03 (0,03)	-0,19 (0,52)
y_{synt}	0,82*** (0,13)	-1,07*** (0,26)	1,00*** (0,15)	-1,43*** (0,48)				
Year1957	-0,04 (0,04)	-0,10*** (0,03)	5,02*** (1,29)	-0,78 (1,30)	-0,12** (0,05)	-0,07 (0,06)	5,00*** (0,25)	5,28*** (0,92)
Year1963	-0,13** (0,05)	-0,05** (0,02)	-7,29*** (0,41)	-5,43*** (1,50)	-0,19*** (0,04)	-0,16*** (0,05)	-7,29*** (0,41)	-7,25*** (0,44)
Year1966	-0,06 (0,04)	0,04 (0,02)	7,12*** (0,37)	3,97** (1,45)	-0,12*** (0,03)	-0,09** (0,04)	7,12*** (0,37)	7,06*** (0,42)
Year1971	-0,08* (0,06)	-0,06*** (0,01)	5,01*** (0,24)	10,11*** (1,06)	-0,12*** (0,04)	-0,10** (0,05)	5,01*** (0,24)	5,10*** (0,38)
Year1957 * y_{synt}			-0,58*** (0,15)	0,08 (0,15)			-0,58*** (0,03)	-0,61*** (0,11)
Year1963 * y_{synt}			0,79*** (0,05)	0,59*** (0,16)			0,79*** (0,05)	0,79*** (0,05)
Year1966 * y_{synt}			-0,77*** (0,04)	-0,43** (0,16)			-0,77*** (0,04)	-0,76*** (0,05)
Year1971 * y_{synt}			-0,52*** (0,03)	-1,06*** (0,11)			-0,52*** (0,03)	-0,53*** (0,04)
Временной тренд		0,11*** (0,02)		0,12*** (0,03)		-0,01 (0,01)		0,00 (0,01)
R^2	0,96	0,99	0,98	0,99	0,91	0,91	0,95	0,95

Примечание: Робастные стандартные ошибки. Зависимая переменная в столбцах I–IV – фактические значения ВВП на душу населения СССР, в столбцах V–VIII – разница между фактическими значениями и расчетными на основе «смеси» Японии и Норвегии, используемой в качестве синтетического контроля. *** – статистическая значимость на уровне 1%, ** – 5%, * – 10%.

Источник: расчеты авторов.

В столбцах II и III табл. 2 коэффициенты при y_{synt} равны 1 (или -1) с точностью до сотых, в то время как 1 (-1) попадает в 95-процентный интервал для коэффициентов при y_{synt} в столбцах I и IV, что говорит о параллельных трендах в динамике ВВП на душу населения СССР и синтетического контроля (где-то взятого со знаком минус) – в отсутствие эффектов, учитываемых прочими переменными. Более того, кроме спецификаций в столбцах II и IV, константа оказывается статистически незначимой, что говорит об отсутствии стабильных расхождений между трендами в течение рассматриваемого периода. Спецификации в столбцах II и IV, учитывающие временной тренд, приводят к неправдоподобному результату, что между ВВП на душу населения СССР и синтетического контроля присутствует статистически значимая отрицательная корреляция.

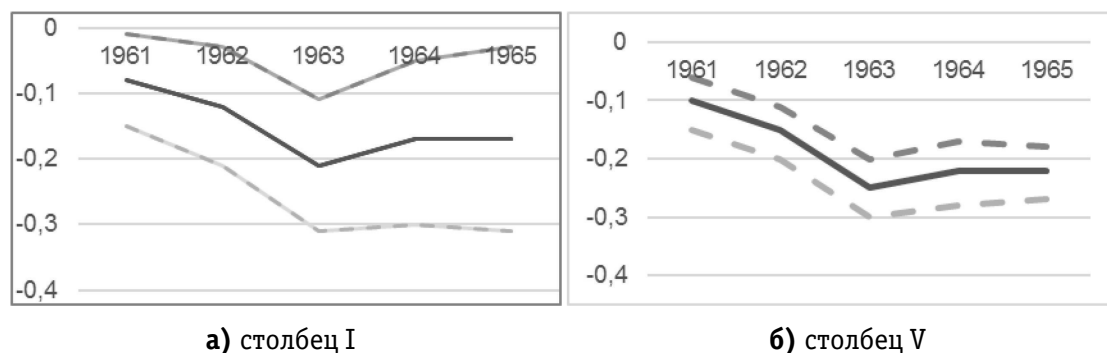

Рис. 5. Фиктивные переменные для 1961–1965 гг. при включении в спецификацию, представленную в столбцах I и V табл. 3 вместо *Year1963*

Примечание: Пунктиром обозначены границы 95-процентного доверительного интервала.

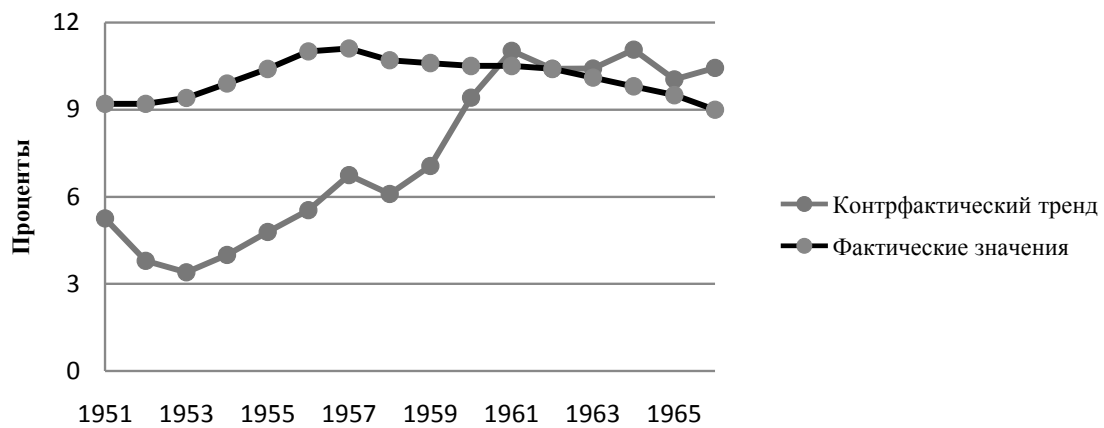
Источник: расчеты авторов.

На рис. 5 представлены коэффициенты при фиктивных переменных для отдельных лет с 1961 по 1965 гг., которыми заменена переменная *Year1963* в спецификации, представленной в столбце I (слева) и V (справа) табл. 3 (каждая фиктивная переменная принимает значение 1 только в «свой» год и равна 0 в остальные). Мы видим, что именно в 1963 г. происходит заметное изменение динамики.

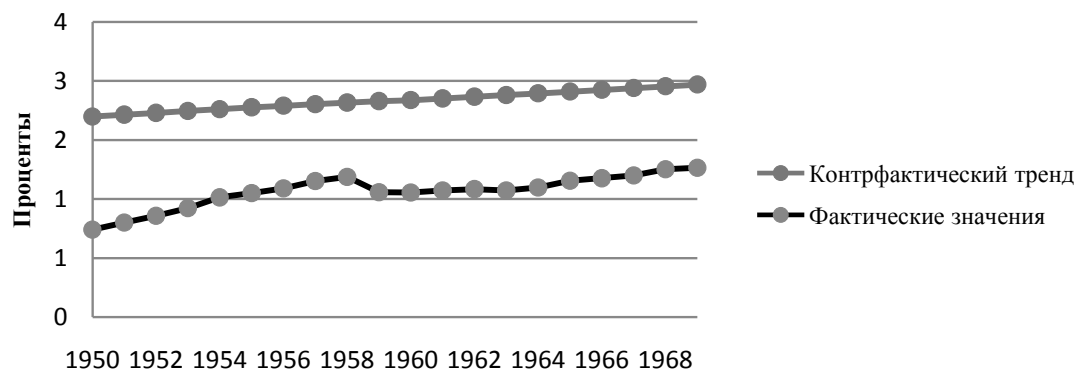
Наша предпочтительная оценка эффекта от свертывания политики децентрализации составляет $(-0,13)$ с 95-процентным доверительным интервалом (табл. 3, столбец I) $[-0,23; -0,03]$. Во-первых, оценка $(-0,13)$ демонстрирует устойчивость к включению прочих знаковых для управления послевоенной советской экономикой лет (значение в столбцах I в табл. 2 и 3 совпадают). Во-вторых, эти значения не слишком отличаются от значений в регрессиях, построенных для разницы фактических и расчетных значений ВВП на душу населения (столбцы IV, VI в табл. 2 и V, VI в табл. 3), но, в отличие от этих оценок, учитывают изменения синтетического контроля y_{synt} в явном виде (и не испытывают соответствующего смещения).

Возможные причины замедления экономики СССР

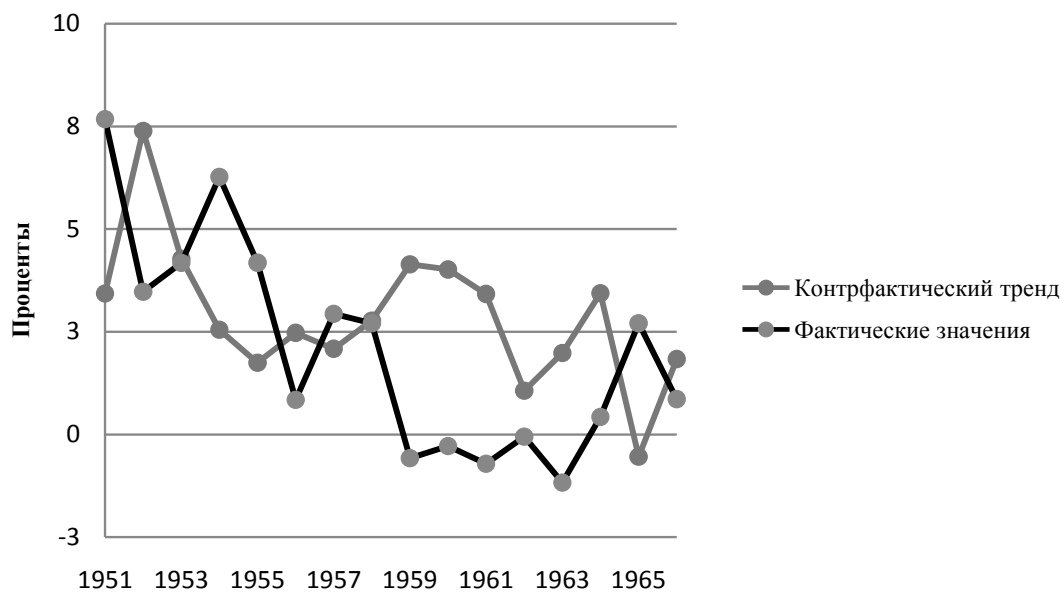
В этом разделе мы обсуждаем экономические и институциональные факторы, которые могли быть связаны с расхождением ВВП на душу населения СССР с контрфактическим трендом. Мы начнем с динамики факторов производства: количества занятых, физического и человеческого капитала – и оценки общей факторной производительности. Мы анализируем данные за 1950–1966 гг. Данные для Японии и Норвегии взяты из *Penn World Tables 10.0* (национальные счета) (Feenstra et al., 2015). Данные по динамике выпуска, количеству занятых и физическому капиталу взяты из работы М. Вайцмана (Weitzman, 1970), данные по количеству человеческого капитала (рассчитанному исходя из доходов) – из расчетов Д. Диденко и соавторов (Didenko et al., 2023). Обратим внимание, что данные по Норвегии и Японии включают ВВП, занятость и капитал в экономике в целом, так же как и данные Диденко по человеческому капиталу, в то время как данные Вайцмана – выпуск, занятость и капитал в промышленности, строительстве, транспорте и связи, и распределении. Данные не полностью сопоставимы, но то, что промышленность в рассматриваемые годы играла роль основного драйвера экономического роста, позволяет надеяться, что наши сравнения темпов роста искажены не сильно.

а) капитал

б) человеческий капитал

в) общая факторная производительность

Рис. 6. Темпы роста капитала, человеческого капитала
и общей факторной производительности

Источник: расчеты авторов.

Темпы роста общей факторной производительности рассчитаны как разница между темпами роста выпуска/ВВП и темпами роста капитала, количества занятых и человеческого капитала, умноженными на соответствующие коэффициенты эластичности (последние получены из регрессии выпуска/ВВП на перечисленные факторы производства (без константы, в темпах роста)). Темпы роста Японии и Норвегии мы объединяем в единый показатель с теми же весами, которые мы использовали для расчета контрфактического тренда ВВП на душу населения СССР.

Результаты расчетов представлены на рис. 6. С 1959 г. (завершение мероприятий по децентрализации по Мерцалову) темпы роста физического и человеческого капиталов и общей факторной производительности в СССР замедляются – становятся отрицательными (за 1957–1958 гг. она выросла на 5,2%). Однако сохранение более высоких темпов накопления физического капитала поначалу перекрывает эти негативные эффекты (согласно нашим расчетам, эластичность выпуска по физическому капиталу составляет 0,61 в Японии, 1 в Норвегии и 0,78 в СССР, в то время как по человеческому капиталу – соответственно 1,98, 0 и 0,18). С 1963 г. расчетные темпы роста физического капитала стабильно превышают советские. Ни небольшое увеличение темпов накопления человеческого капитала в СССР, ни сближение темпов роста общей факторной производительности не могут перекрыть последствия этого превышения. Это не противоречит сложившемуся в литературе представлению об ухудшении динамики накопления капитала как драйвере замедления советской экономики и снова связывает это замедление с конкретным годом.

Мы исследуем ряд институциональных факторов, используя базу *V-Dem*. Методом *LASSO* мы оцениваем зависимость разницы между фактическими и расчетными значениями ВВП на душу населения для территории бывшего СССР от таких же разниц для государственной собственности и прямого контроля над секторами экономики (*State ownership of economy*), открытости экономики (отношение суммы экспорта и импорта к ВВП), степени эксклюзивности госзаказа (*Access to state business opportunities by social group*), равенства распределения власти по социально-экономическим группам (*Power distributed by socioeconomic position*) и первой компоненты пяти индексов демократии высокого уровня *V-Dem* (во всех случаях мы используем исходные значения). При $\lambda = 0,5$ и максимальном доступном периоде 1885–2021 гг. только разница между фактическими и расчетными значениями *State ownership of economy* имеет ненулевой коэффициент, равный (–0,20). Для периода 1932–1985 гг. (т.е. с конца первой пятилетки и до объявления перестройки – периода, характеризующегося наибольшим государственным контролем над экономикой СССР) коэффициент оказывается положительным и равным 2,81 (т.е. меньшие масштаб государственной собственности и степень прямого контроля над секторами экономики относительно расчетных значений ведет к большему ВВП на душу населения относительно значений, полученных по методу синтетического контроля). В последнем случае ненулевой коэффициент получает также разница в открытости экономики, однако его величина составляет всего 0,003. Таким образом, разница между фактическими и расчетными значениями *State ownership of economy* лучше всего объясняет динамику ВВП на душу населения.

Показатель *State ownership of economy* отражает, имеет ли государство собственность и осуществляет ли прямой контроль над важными секторами экономики (воздействие на экономику через бюджетно-налоговую политику не учитывается). Значения показателя находятся в диапазоне от 0 до 4, где 0 означает, что практически весь капитал и земля принадлежат или находятся под прямым контролем государства, а частная собственность запрещена, а 4 – что «очень мало» капитала (земли) принадлежит или находится под прямым контролем государства¹⁵. Используемый показатель дает качественную (а не количественную) оценку степени, в которой государство владеет или напрямую контролирует важные сектора экономики. В рассматриваемый период происходит небольшое повышение этого показателя в Норвегии – с 2,489 в 1946–1961 гг. до 2,668 в 1962–2013 гг.¹⁶

Мы оцениваем двухуровневую модель. Сначала мы оцениваем, насколько показатель *State ownership of economy* меняется внутри периода 1932–1985 гг., независимо от прочих факторов, используя уравнение:

$$SOE_t = const + s_1 * FULL_t + \epsilon_t, \quad (4)$$

¹⁵ Coppedge, M. et al. (2022). *V-Dem Codebook v12. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.

¹⁶ Поскольку показатель не учитывает бюджетно-налоговую политику, его повышение не означает отказ от кейнсианских установок.

где SOE – разница между фактическими и расчетными (на основании регрессии советских значений на значения Норвегии и Японии) значениями *State ownership of economy*, $FULL$ – фиктивная переменная для периода 1932–1985 гг., характеризующегося полной национализацией средств производства и экстремальным контролем над экономикой.

Мы используем остатки модели (4) (SOE_{res}), означающие изменения между фактическими и расчетными значениями показателя по причинам, не связанным с периодом 1932–1985 гг. непосредственно, для оценки следующих уравнений:

$$y_{USSR,t} = s_0 + s_2 * FULL_t + s_3 * SOE_{res,t} + s_4 * FULL_t * SOE_{res,t} + \phi * y_{synt,t} + e_{USSR,t}, \quad (5)$$

$$y_{diff,t} = s_5 + s_6 * FULL_t + s_7 * SOE_{res,t} + s_8 * FULL_t * SOE_{res,t} + e_t. \quad (6)$$

Уравнения (4), (5) и (6) оценены для всех доступных данных за период 1885–2021 гг. Результаты представлены в табл. 4. Напомним, что показатель *State ownership of economy* больше, когда государственная собственность и прямой контроль над экономикой меньше, значит, увеличение государственной собственности и усиление прямого контроля над экономикой в СССР относительно прогноенных значений будет выражаться в падении SOE и SOE_{res} .

Период максимального огосударствления экономики сочетался с повышением советского ВВП на душу населения относительно расчетных значений (положительное значение коэффициента при $FULL$). Более того, SOE_{res} на всем периоде 1885–2021 гг. незначим для величины отечественного ВВП на душу населения, а его положительные значения сопровождаются уменьшением разницы фактического ВВП на душу населения СССР и расчетного (столбцы I и II табл. 4). Если мы сосредоточимся на периоде 1932–1985 гг. ($FULL * SOE_{res}$), то окажется, что внутри этого периода зависимость обратная.

В III и IV столбцах табл. 4 мы оцениваем уравнения (5) и (6) для периода 1953–1972 гг., в течение которого разница между фактическими и расчетными значениями *State ownership of economy* изменяется лишь однажды – в 1962 г. Увеличение этого показателя в 1962 г. в странах синтетического контроля при сохранении его постоянным в СССР совпадает с нарастанием разрыва в ВВП на душу населения между ними. Уменьшение SOE_{res} на 0,06 в этом году приводит к падению ВВП на душу населения относительно «смеси» Японии и Норвегии на 27,4% (напомним, что мы используем логарифмы ВВП на душу населения). Добавление в модель фиктивных переменных, использованных в табл. 2, не приводит к существенным изменениям.

Таблица 4

Результаты оценки уравнений регрессии (4–6)

Параметры \ Номер столбца	I	II	III	IV
Константа	1,78*** (0,20)	–0,75*** (0,04)	3,78*** (0,28)	–0,07** (0,03)
$FULL$	0,42*** (0,05)	0,46*** (0,08)		
SOE_{res}	0,05 (0,05)	–0,13** (0,06)	0,69** (0,31)	5,34*** (0,92)
$FULL * SOE_{res}$	0,39 (0,76)	2,77** (1,10)		
y_{synt}	0,72*** (0,02)		0,56*** (0,03)	
R^2	0,91	0,23	0,98	0,78

Примечание: Результаты оценки для 1885–2021 гг. (столбец I и II– уравнения (5) и (6) соответственно) и 1953–1972 гг. (столбцы III и IV– уравнения (5) и (6) соответственно).

Источник: расчеты авторов.

Приведенные расчеты позволяют предположить некоторую связь отклонения динамики советского среднедушевого ВВП от контрфактического тренда с уменьшением государственной собственности и прямого контроля над экономикой в Норвегии, однако характер этой связи не позволяет сделать однозначного вывода. К тому же возникший разрыв не был преодолен после демонтажа плановой системы. Скорее, свертывание политики децентрализации привело к менее эффективному выбору направления капитальных вложений¹⁷, в результате чего экономический рост стал замедляться под давлением убывающей предельной производительности капитала.

Обсуждение и заключение

Наши результаты показывают, что выраженное, статистически значимое отклонение ВВП на душу населения СССР от контрфактического тренда начинается с 1963 г., т.е. с началом отхода от политики децентрализации управления народным хозяйством. Обсудим возможные проблемы, связанные с этой оценкой.

Во-первых, сомнение может вызывать использование для синтетического контроля экономик, столь отличных от советской, не подвергавшихся такому экстремальному контролю со стороны государства и относившихся к западному блоку. Однако и в Японии, и в Норвегии участие государства в послевоенном восстановлении экономики – в том числе посредством принятия руководящих планов (в значительной степени связанных с использованием помощи, получаемой в рамках плана Маршалла) – было весьма активным. Централизованное планирование в Норвегии было особенно развитым и охватывало как распределение дефицитных ресурсов, так и ценовое регулирование по многим позициям, касалось установления заработных плат и конкуренции (в начале 1950-х гг. журнал *The Economist* не считал Норвегию страной со свободной экономикой)¹⁸. Позиции «левых» сил в ней были достаточно сильны, а период 1933–1965 гг. (не считая лет оккупации) прошел в условиях гегемонии Рабочей партии. В Японии планирование по большей части остановилось на вопросах скоординированного восстановления и распределения международной помощи. Подробнее о системах планирования Норвегии (см.: Lange and Pharo, 1991; Bjerkholt, 2005; Sæther and Eriksen, 2014), Японии (Sakisaka, 1963; Yoshioka and Kawasaki, 2016). Показатели Норвегии и Японии (стран с запоздавшей индустриализацией, как и Россия) успешно используются для сопоставления при исследовании довоенной динамики экономики СССР (Korolev, 2021), – неочевидно, что они теряют свою пригодность сразу же после войны.

Во-вторых, возможно, обнаруженные изменения были связаны с иными, не рассмотренными в статье, факторами. Так, в 1963 г. разразился зерновой кризис, который положил начало импорту продовольствия (Пивоваров, 2019). Однако выявленное нами расхождение с контрфактическим трендом не обнаруживает тенденции на сокращение, когда минимум хлебозаготовок был пройден, поэтому это вряд ли может быть объяснением. Прочие изменения в структуре внешней торговли происходили на протяжении всей второй половины 1950-х гг. (Джалилов, Пивоваров, 2019). Если бы они были причиной, это требовало бы постепенного расхождения с контрфактическим трендом на протяжении как минимум соответствующих пяти лет, чего не наблюдается. Значимые изменения происходили в структуре государственного бюджета (Баканов, 2021). Но повышение доли республиканских бюджетов в консолидированном бюджете, скорее, следствие политики децентрализации, а резкий рост расходов на государственное управление, начавшийся в 1965 г., и прочие изменения, скорее, следствие сворачивания реформы. Целый ряд причин замедления советской экономики: увеличение военных расходов, выбытие техники, полученной по ленд-лизу и в качестве репараций и т.д. (Ханин, 2001), – как и вступление Норвегии в НАТО, «освобождение» Японии от военных расходов, введение США эмбарго, – реализовались уже к концу 1950-х гг., в то время как обнаруженное нами резкое отклонение ВВП на душу населения СССР от контрфактического тренда начинается в 1963 г. Заметим, что это отклонение не исчезает после демонтажа плановой системы, сопровождавшегося снижением военных расходов и улучшением отношений с Западом.

¹⁷ Заметим, что общая норма накопления несколько возрастала: она составляла 25–26% в 1951–1958 гг., 26,5% – в 1960 г., 26,4 % – в 1965 г., 29,5% – в 1970 г. (Кудров, 2003: 16).

¹⁸ *The Economist*, October 3, 1953

В-третьих, реформа управления народным хозяйством не самая громкая и сомнительна с точки зрения эффективности. Не заслоняет ли акцент на ней действительные проблемы? Хотя на обнаруженный эффект могли влиять прочие обстоятельства, нельзя сказать, что отказ от политики децентрализации в конце 1962 г. вытекал из них настолько, что не мог повлиять на поведение хозяйствующих субъектов. Если бы это было так, эффект 1963 г. не был бы статистически значим. Хотя децентрализация не затрагивала командный характер системы, она предполагала значительное перераспределение полномочий, отказ от которых следует рассматривать как институциональный фактор, имеющий долгосрочные последствия.

Если наши результаты верны, то начало «колеи развития» современной России следует искать на излете хрущевской оттепели¹⁹. Открытыми остаются важные вопросы. Во-первых, признаки ухудшения динамики относительно контрфактического тренда можно обнаружить с 1959 г.; выявление параметров, ответственных за «предчувствие» изменений, может скорректировать полученную нами оценку в сторону повышения абсолютной величины. Интересным представляется детальное изучение противоречий, обозначившихся в 1959–1962 гг. Во-вторых, нам не удалось найти непротиворечивую связь с масштабами государственной собственности и прямого контроля над экономикой – остается неясным, означает ли это нелинейную взаимосвязь, влияние более фундаментальных факторов или несовершенство использованных показателей, не учитывающих нюансов командной или переходной экономики. В-третьих, хрущевская реформа была нацелена на изменение баланса между центром и регионами, а также – между отраслевым и территориальным развитием. Можно предположить, что ее свертывание привело к отказу от активизации потенциала регионов, в то время как потенциал централизованного управления подошел к исчерпанию. Если так, поиск оптимальной региональной политики остается проблемой первостепенной важности.

Литература / References

- Аллен Р.С. (2013). *От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). [Allen, R. (2013). *Farm to Fabric: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (in Russian)].
- Артемов Е.Т. (2020). От Сталина к Хрущеву: мотивы и результаты новаций в экономической политике. *Уральский исторический вестник* (1), 62–70. [Artemov, E., Vodichev, E. (2020). The economic policies of the Khrushchev decade. *Historiography. Quaestio Rossica* 8(5), 1822–1839 (in Russian)]. DOI: 10.15826/qr.2020.5.562
- Артемов Е.Т. (2022). Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущева. *Российская история* (4), 186–198. [Artemov, E. (2022). Failed acceleration: Military-strategic factor in Khrushchev's economic policy. *Russian History* (4), 186–198 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S0869568722040203
- Баканов С.А. (2012). Государственный бюджет СССР в 1950–80-е годы: динамика и структура расходов. *Научный диалог* (5), 304–326. [Bakanov, S. (2021). State budget of USSR in 1950s – 80s: Dynamics and structure of expenditures. *Nauchnyi dialog* (5), 304–326 (in Russian)]. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-304-326
- Бронштейн В.В. (2024). Коммунистическая утопия вместо «китайского чуда». *Новое прошлое* (1), 124–143. [Bronstein, V. (2024). A communist utopia instead of a Chinese miracle. *The New Past* (1), 124–143 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2500-3224-2024-1-124-143
- Водичев Е.Г., Аблажей Н.Н. (2023). Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи. *Всероссийский экономический журнал ЭКО* (2), 137–151. [Vodichev, E., Ablazhey, N. (2023). The strategic plan for the “building of communism”

¹⁹ Отклонение от контрфактического тренда продолжает нарастать. Если обратиться к данным Всемирного банка о ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах в 2023 г. и использовать те же веса для Норвегии и Японии, что и для построения контрфактического тренда в статье, то среднедушевой ВВП территории бывшего СССР должен был бы составить 65 814 долл. против фактических 32 029 (44 120 в России). Большая часть этого разрыва (и весь для России) находится в пределах наших наиболее экстремальных оценок эффекта 1963 г.

- in the USSR: The economic ambitions and ideology of the Khrushchev era. *ECO* (2), 137–151 (in Russian)]. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-137-151
- Горлов В.Н. (2022). Политические причины принятия решения об экономической реформе 1957 года в СССР. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки* (4), 67–73. [Gorlov, V. (2022). Political reasons for the decision on economic reform in 1957 in the USSR. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences* (4), 67–73 (in Russian)]. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_67
- Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю. (2019). От И.В. Сталина к Н.С. Хрущеву: тенденции развития советской внешней торговли во второй половине 1950-х годов. *Иркутский историко-экономический ежегодник*: 2019, 15–24. [Jalilov, T., Pivovarov, N. (2019). From Stalin to Khrushchev: Trends of Soviet foreign trade in the second half of the 1950s. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*: 2019, 15–24 (in Russian)]. DOI: 10.17150/978-5-7253-3001-4.02
- Зеленин И.Е. (2000). Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. *Труды Института российской истории РАН* (2), 394–425. [Zelenin, I. (2000). Agrarian policy of N.S. Khrushchev and agriculture. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN* (2), 394–425 (in Russian)].
- Зубкова Е.Ю. (2022). От «общества выживания» к «обществу потребления»: трансформация условий и практик потребления в СССР (1940–1960-е годы). *Петербургский исторический журнал* (4), 45–61. [Zubkova, E. (2022). From a “survival society” to a “consumption society”: the transformation of conditions and practices of consumption in the USSR (1940s–1960s). *Petersburg Historical Journal* (4), 45–61 (in Russian)]. DOI: 10.51255/2311-603X_2022_4_45
- Карпушин Е.С., Гурьянов П.А. (2018). Потребительское кредитование в Советском Союзе: уроки истории. *Управленческий учет и финансы* (3), 216–224. [Karpushin, E., Guryanov, P. (2018). Consumer lending in the Soviet Union: lessons from history. *Upravlencheskij uchet i finansy* (3), 216–224 (in Russian)].
- Круглов В.Н. (2014). «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. *Экономическая история: ежегодник 2013*, 403–446. [Kruglov, V. (2014). The last hunger under Stalin: Food supply crisis in the USSR during early to mid 1950. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik 2013*, 403–446 (in Russian)].
- Кудров В.М. (1995). Советский экономический рост: официальные данные и альтернативные оценки. *Вопросы экономики* (10), 100–112. [Kudrov, V. (1995). Soviet economic growth: Official data and alternative estimates. *Voprosy ekonomiki* (10), 100–112 (in Russian)].
- Кудров В.М. (2003). *Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления*. М.: Наука. [Kudrov, V. (2003). *The Soviet Economy in Retrospect: An Experience of Rethinking*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Кудров В.М. (2011). *Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития*. М.: Юстицинформ. [Kudrov, V. (2011). *International Economic Comparisons and Problems of Innovative Development*. Moscow: Yusticininform Publ. (in Russian)].
- Лазарева Л.Н. (2022). Экономическая реформа 1965 года в контексте проблемы многофакторности причин распада СССР. *Исторический курьер* 4(24), 32–44. [Lazareva, L. (2022). Economic reform of 1965 in the context of the problem of multifactorial causes of the collapse of the USSR. *Historical Courier* 4(24), 32–44 (in Russian)]. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-3
- Лаптева Е.В. (2015). Англо-американская советология о советской экономической модели и «Косыгинской» реформе 1965 года. *Историко-экономические исследования* 16(3), 481–493. [Lapteva, E. (2015). Anglo-American sovietology on the Soviet economic model and Kosygin's reform in 1965. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics* 16(3), 481–493 (in Russian)]. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).481-493
- Лузан П.П. (2002). Был ли триумф советской экономики? *ЭКО. Экономика и организация промышленного производства* (5), 151–160. [Luzan, P. (2002). Was there a triumph of the Soviet economy? *EKO. Ekonomika i organizaciya promyshlennogo proizvodstva* (5), 151–160 (in Russian)].
- Мау В.А. (2024). Экономика развитого социализма: опыт и уроки. *Вопросы экономики* (11), 90–119. [Mau, V. (2024). Economic system of developed socialism: Experience and lessons. *Voprosy Ekonomiki* (11), 90–119 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-11-90-119

- Мерцалов В.И. (2015). *Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.* Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета. [Mercialov, V. (2015). *Origin and Evolution of the Reform of Industrial and Construction Management 1957–1965*. Chita: Publishing House of Transbaikal State University (in Russian)].
- Минеев А.И. (2024). Особенности изучения реформы управления промышленностью и строительством в новейшей российской историографии. *Новейшая история России* (14), 127–143. [Mineev, A. (2024). Features of the study of industrial and construction management reform in the latest Russian historiography. *Modern History of Russia* (14), 127–143 (in Russian)]. DOI: 10.21638/spbu24.2024.108
- Мэддисон А. (2012) *Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории.* М.: Изд. Института Гайдара. [Maddison, A. (2012). *Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Moscow: Gajdar Institute Publishing House (in Russian)].
- Никифоров Ю.С. (2020). Идеолого-политическое обеспечение трансформации экономики и социума в СССР 1950–80-х гг.: исторические вызовы и скрытые тенденции. *Вестник Костромского государственного университета* 26(4), 50–57. [Nikiforov, Yu. (2020). The ideological and political support for the transformation of the economy and society in the USSR of the 1950–1980s: Historical challenges and hidden trends. *Vestnik of Kostroma State University* 26(4), 50–57 (in Russian)]. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57
- Пасс А.А., Рыжий П.А. (2012). Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия. *Социум и власть* (5), 114–122. [Pass, A., Ryzhiy, P. (2012). Nationalization of industrial cooperation in the USSR in the second half of the 1950s: Causes and consequences. *Socium i vlast* (5), 114–122 (in Russian)].
- Пивоваров Н.Ю. (2019). Зерновой кризис 1963 г. в СССР и внешнеторговые коллизии его разрешения. *Гуманитарные науки в Сибири* 26(1), 28–33. [Pivovarov, N. (2019). The grain crisis of 1963 in the Soviet Union and foreign trade collusions of its resolution. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* 26(1), 28–33 (in Russian)]. DOI: 10.15372/HSS20190105
- Пивоваров Н.Ю., Симонов М.А. (2024). Советское руководство и разработка совнархозной реформы: от идей к реализации (1953–1957 гг.). *Уральский исторический вестник* (1), 108–118. [Pivovarov, N., Simonov, M. (2024). Soviet leaders and the development of the sovnarkhoz reform: From ideas to realization (1953–1957). *Ural Historical Journal* (1), 108–118 (in Russian)]. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-108-118
- Пихоя Р.Г. (2009). *Москва. Кремль. Власть. 1945–2005: В 3 томах, т. 1. 1945–1964.* М.: Новый хронограф. [Pihoia, R. (2009). *Moscow. Kremlin. Power. 1945–2005: In 3 vols., vol. 1. 1945–1964*. Moscow: Novyj hronograf Publ. (in Russian)].
- Пономаренко А.Н. (2000). Исторические национальные счета России: 1961–1990 гг. *Экономический журнал Высшей школы экономики* 4(4), 505–527. [Ponomarenko, A. (2000). Historical national accounts of Russia: 1961–1990. *HSE Economic Journal* 4(4), 505–527 (in Russian)].
- Попов Г.Г. (2019). Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х годов). *Terra Economicus* 17(4), 113–128. [Popov, G. (2019). Between the liberalization of communism and orthodoxmarxism (understanding evolution of soviet economic development in the 1950s and 1960s). *Terra Economicus* 17(4), 113–128 (in Russian)]. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128
- Пыжиков А.В. (2002). *Хрущевская «оттепель».* М.: ОЛМА Медиа Групп. [Pyzhikov, A. (2002). *The Khrushchev's "Thaw"*. Moscow: OLMA Media Group Publ. (in Russian)].
- Раков А.А. (2020). Приоритеты советской аграрной политики в 1953–1964 гг. и попытки преодоления «сталинских перекосов» в сельском хозяйстве. *Журнал Новой экономической ассоциации* (4), 162–183. [Rakov, A. (2020). Priorities of the Soviet agrarian policy in 1953–1964 and attempts to overcome Stalin's disbalance in agriculture. *Journal of the New Economic Association* (4), 162–183 (in Russian)]. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-48-4-7
- Смирнов С.В. (2012). *Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012: препринт WP2/2012/04.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

- [Smirnov, S. (2012). *Dynamics of industrial production and the economic cycle in the USSR and Russia, 1861–2012*. Preprint WP2/2012/04. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Смирнов С.Н. (2021). Путь исследователя: оценка современника. *Мир России. Социология. Этнология* **30**(2), 180–194. [Smirnov, S. (2021). An explorer's path through the eyes of his contemporary. *Mir Rossii = Universe of Russia* **30**(2), 180–194 (in Russian)]. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-180-194
- Сухара М. (2000). Оценка промышленного производства России: 1960–1990 годы. *Вопросы статистики* (2), 55–63. [Suhara, M. (2000). Assessment of industrial production in Russia: 1960–1990 years. *Voprosy statistiki* (2), 55–63 (in Russian)].
- Томилин В.Н. (2021). *Государство и колхозы: 1946–1964 гг.* М.: АИРО-XXI. [Tomilin, V. (2021). *The State and Collective Farms: 1946–1964*. Moscow: AIRO-XXI (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2001). 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики. *Экономика и организация промышленного производства (ЭКО)* (11), 166–170. [Hanin, G. (2001). The 1950s – The decade of triumph of the Soviet economy. *ЭКО* (11), 166–170 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2003). Советское экономическое чудо: миф или реальность? Статья четвертая. *Свободная мысль* (12), 61–76. [Hanin, G. (2003). The Soviet economic miracle: Myth or reality? (4th article). *Svobodnaya mysl* (12), 61–76 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2015). *Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива*, т. 1. Новосибирск: Сибирская академия государственной службы. [Hanin, G. (2015). *Economy and Society of Russia: Retrospect and Prospect*, vol. 1. Novosibirsk: Publishing House of Siberian Academy of Public Administration (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2016). Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами? *Terra Economicus* **14**(1), 18–26. [Khanin, G. (2016). Whether soviet economy needs to be protected by the crafty figures? *Terra Economicus* **14**(1), 18–26 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-18-26
- Холодилин К. (1997). Экономическая динамика СССР в 1950–1990 годах: опыт исчисления единого экономического показателя. *Вопросы статистики* (4), 64–75. [Holodilin, K. (1997). Economic dynamics of the USSR in 1950–1990: An experience of calculating a single economic indicator. *Voprosy statistiki* (4), 64–75 (in Russian)].
- Шестаков В.А. (2006). *Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов*. М.: Наука. [Shestakov, V. (2006). *Socio-Economic Policy of the Soviet State in the 50s – mid-60s*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Шестаков В.А. (2012). Особенности мобилизационного развития СССР в годы хрущевской «оттепели». *Труды Института российской истории РАН* (10), 319–342. [Shestakov, V. (2012). Peculiarities of the mobilization development of the USSR during the Khrushchev “thaw”. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN* (10), 319–342 (in Russian)].
- Abadie, A. (2021). Using synthetic controls: feasibility, data requirements, and methodological aspects. *Journal of Economic Literature* **59**(2), 391–425. DOI: 10.1257/jel.20191450
- Bjerkholt, O. (2005). *Markets, models and planning: The Norwegian experience (№ 14/2005)*. Oslo University, Department of Economics.
- Chulkov, D. (2014). Innovation in centralized organizations: examining evidence from Soviet Russia. *Journal of Economic Studies* **41**(1), 123–139. DOI: 10.1108/JES-05-2011-0057
- Didenko, D., van Leeuwen, B., Foldvari, P. (2023). Average years of education and cost based human capital per capita in former Soviet Union areas (1920–2010). <https://hdl.handle.net/10622/ORZCQV>, IISH Data Collection, V1 (accessed on October 22, 2024)
- Easterly, W., Fischer, S. (1995). The Soviet economic decline. *The World Bank Economic Review* **9**(3), 341–371.
- Enikolopov, R., Zhuravskaya, E. (2007) Decentralization and political institutions. *Journal of Public Economics* **91**(11–12), 2261–2290.
- Feygin, Y. (2024). Choosing stagnation. The Kosygin reforms and the rise of Brezhnev's stagnationary coalition. *Europe-Asia Studies* **76**(1), 49–71. DOI: 10.1080/09668136.2023.2257005

- Feenstra, R., Inklaar, R., Timmer, M. (2015). The next generation of the Penn World Table. *American Economic Review* **105**(10), 3150–3182.
- Harrison, M. (2002). Coercion, compliance, and the collapse of the Soviet command economy. *The Economic History Review* **55**(3), 397–433.
- Jia, J., Liang, X., Ma, G. (2021). Political hierarchy and regional economic development: Evidence from a spatial discontinuity in China. *Journal of Public Economics* (194), 104352. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2020.104352
- Kharas, H., Kohli, H. (2011). What is the middle income trap, why do countries fall into it, and how can it be avoided? *Global Journal of Emerging Market Economies* **3**(3), 281–289. DOI: 10.1177/097491011100300302
- Korolev, I. (2021). How could Russia have developed without the revolution of 1917? *Annals of Economics and Statistics* (144), 75–112. DOI: <https://doi.org/10.15609/annaeconstat2009.144.0075>
- Lange, E., Pharo, H. (1991). Planning and economic policy in Norway, 1945–1960. *Scandinavian Journal of History* **16**(3), 215–228.
- Lin, J., Tao, R., Liu, M. (2003). *Decentralization, deregulation and economic transition in China*. London School of Economics, mimeo.
- Markevich, A., Nafziger, S. (2017). State and market in Russian industrialization, 1870–2010. In: O'Rourke, K., Williamson, J. (2017). *The Spread of Modern Industry to the Periphery since 1871*. New York: Oxford University Press, pp. 33–62.
- Markevich, A., Zhuravskaya, E. (2011). M-form hierarchy with poorly-diversified divisions: A case of Khrushchev's reform in Soviet Russia. *Journal of Public Economics* (95), 1550–60. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2011.06.003
- Ponce-Rodríguez, R., Hankla, C., Martínez-Vázquez, J., Heredia-Ortiz, E. (2016). *Political institutions and federalism: A strong decentralization theorem*. GEN Working Paper A, 4.
- Sakisaka, M. (1963). Economic planning in Japan. *The Developing Economies* **1**(2), 202–217.
- Sen, A. (1980). Famines. *World development* **8**(9), 613–621.
- Toumanoff, P. (1987). Economic reform and industrial performance in the Soviet Union: 1950–1984. *Comparative Economic Studies* (29), 128–149.
- Weitzman, M. (1970). Soviet postwar economic growth and capital-labor substitution. *The American Economic Review* **60**(4), 676–692.
- Xu, C. (2011). The fundamental institutions of China's reforms and development. *Journal of Economic Literature* **49**(4), 1076–1151. DOI: 10.1257/jel.49.4.1076
- Yoshioka, S., Kawasaki, H. (2016). *Japan's high-growth postwar period: The role of economic plans*. Tokyo: Economic and Social Research Institute Cabinet Office.